

чительной степени случайно; с помощью этого сопоставления Е. Прохазкова стремится (но не всегда убедительно) доказать, что русский текст восходит непосредственно к польскому, который в свою очередь передает чешский текст. Как справедливо замечает А. Флоровский,⁵⁶ наблюдения Е. Прохазковой «имеют характер известной отрывочности и ограниченности», мало нового вносят в дело изучения упомянутых произведений.

Что касается «Великого Зерцала», то этот сборник почти совсем выпал из поля зрения исследователей, так как казался им, видимо, слишком специфическим и узким по содержанию. В справочник, составленный В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, он не вошел, количество его списков неизвестно, а наличие этих списков и их особенности по отдельным собраниям даже приблизительно не установлены. А между тем сборник был очень популярен на Руси как в XVII, так и в XVIII в., многократно переписывался и целиком и частями. Материал, вошедший в сборник и кажущийся на первый взгляд однотипным (религиозно-поучительным), на самом деле исключительно разнообразен и дает в целом широкую картину человеческой жизни, своеобразно отражая классовые противоречия эпохи феодализма и первоначального накопления: власть имущие и подвластные, богачи и бедняки показаны здесь в их отношениях, с их личными качествами, хорошими или плохими. Чтобы раскрыть богатство содержания и разнообразие образов новелл, вошедших в «Великое Зерцало», исследователю необходимо вскрыть их реальное значение, сняв налет мистицизма, который так долго отпугивал ученых от этого интересного сборника.

Если другие сборники переводной новеллы не раз привлекали внимание исследователей, то о «Великом Зерцале» у нас имеется только одна работа — исследование П. В. Владимирова,⁵⁷ в значительной степени уже устаревшее, далеко не соответствующее требованиям современной науки и не разрешающее возникающих в связи с памятником проблем.

Еще менее, чем сборники повестей и рассказов, изучены собрания изречений, притч, забавных вопросов и ответов, пользовавшихся популярностью на Руси в XVII в. Таковы «Апофегмата», притчи Саади (Персицкой Кринной дол), «Премудрость Лохмана» и «Повесть о португальском и бранденбургском мудрецах».⁵⁸ Издания «Апофегмат» относятся к XVIII в., «Персицкой Кринной дол» не издавался ни разу, «Повесть о португальском посольстве» известна в издании В. В. Сиповского.⁵⁹ Специальных исследований этого рода переводной литературы нет, в общих обзорах находим лишь указания на время перевода, его источник и краткое сообщение, что представляет собой данный памятник. В то же время исследование этих сборников и сопоставление их с подобными сборниками в зарубежных, в частности славянских, странах, а также с книгами подобного рода, ранее бытовавшими на Руси (например, «Пчела»), и изучение их судьбы на русской почве, думается, будет представлять

⁵⁶ А. Флоровский. Рецензия на работу Е. Прохазковой. — *Slavia*, seš. 3, 1960, стр. 489—495.

⁵⁷ П. В. Владимирова. *Великое Зерцало (Из истории русской переводной литературы XVII в.)*. М., 1884.

⁵⁸ «Повесть бывшего посольства в Португальской земле, история о португальском и бранденбургском мудрецах» — русская переработка чужого оригинала, примыкает к средневековым сочинениям загадками и остротами. Басням Эзопа посвящена статья В. П. Адриановой-Перетц «Басни Эзопа в русской юмористической литературе XVIII в.» (ИпоРЯС, т. II, кн. 2. Л., 1929, стр. 377—400).

⁵⁹ В. В. Сиповский. *Русские повести XVII—XVIII вв.*, стр. 268—284.